

113	0097-01	ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ	"Акробат сердца"	Часть 1 "В мышеловке"
114	0097-02	ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ	"Акробат сердца"	Часть 2 "Если хочешь"

«АКРОБАТ СЕРДЦА» (Коренблит – Шершеневич)

От собеседника

Вадим Шершеневич - яркий представитель и, что важно, идеолог и теоретик целого направления в поэзии Серебряного века под названием Имажинизм. Имажинистами себя считали, и явно принадлежали к ним, в разное время С. Есенин и Р. Ивнев. Мне приятно, что в начале своего творческого пути В. Ш. находился под огромным влиянием К. Бальмонта и А. Блока (в чем сам признавался), но не избежал-таки соблазна попробовать "изобрести велосипед" и, как ни странно, ему это удалось. Пройдя от символизма через эго-футуризм к "равенству по важности образов" (это основной ключ к пониманию этих стихов), В. Ш. стал очень самобытным поэтом, и я с удовольствием предлагаю Вам с ним познакомиться (тем более, что некоторое время он работал в театре с моим дальним родственником А. Я. Таировым). Во время создания этого альбома пришлось применять музыкальные формы, соответствующие всем предпочтениям и подражаниям самого поэта (к примеру - В. Маяковскому).

"Акробат сердца" - название, как нельзя кстати и к месту, характеризующее все события этого музыкального "спектакля" (или точнее Нотного портрета, который ещё, к сожалению, не воплощён на какой-либо сцене), происходящие с главным "героем" и даже с самим поэтом.

"В мышеловке" оказывается сердце неисправимого лирика и на самом деле слишком влюбчивого молодого человека, который за всем своим фанфаронством пытается скрыть свою застенчивость.

"Если хочешь" - обращается поэт-герой к своей возлюбленной. Он даже готов к её ногам принести в жертву свой дар поэта - "свои крылья"! Я бы не стал этого делать. Чем это закончилось? Послушайте и узнаете сами...

Ваш Станислав Коренблит

Часть 2 "ЕСЛИ ХОЧЕШЬ"

1(27). Царица поцелуев	- 1.31
2(28). В гостинной	- 1.24
3(29). Пляска	- 1.37
4(30). Аналогия	- 1.15
5(31). Воистину люблю	- 2.45
6(32). Любовь	- 1.27
7(33). Мысли	- 1.07
8(34). Если хочешь	- 1.50
9(35). Мольба	- 1.42
10(36). Измена	- 1.37
11(37). Королевский гримасник	- 1.12
12(38). Тяжело	- 0.51
13(39). Двойник	- 1.18
14(40). Не верите?	- 2.55
15(41). Акробат сердца	- 2.16
16(42). Знайте	- 3.37
17(43). Простите меня	- 1.26
18(44). Не завидуй	- 1.46
19(45). Усечённая ритмика	- 1.38
20(46). Землетрясение	- 1.20

21(47). Клоунам	- 2.21
22(48). Судьба	- 1.43
23(49). Танцующая мгла	- 1.12
24(50). Потомкам	- 1.29
<i>Общее время звучания - 41.19</i>	
<i>Общее время звучания - 86.11</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "ЕСЛИ ХОЧЕШЬ"

1. ЦАРИЦА ПОЦЕЛУЕВ

О, царица поцелуев! Ложе брачное цветами
 Украшай в восторге пьяном и не думай о грядущем!
 Шкуры львов и пестрых тигров пусть расстелятся пред нами.
 Будь, как Солнце, ярким светом и, как Солнце, будь зовущей!

О принцесса дремных сказок! Тьму лесов наполни песней,
 Сзови из вод русалок, кликни дремлющего Пана.
 Будь, как влага ранним утром, легче, тоньше, бестелесней,
 Будь летучею росой или дымкою тумана!

О Богиня строк певучих! Из темниц веков старинных
 Пробуди напевы, звоны, сочетанье зыбких линий,
 Будь звончей сонетов нежных - и прекрасных, и невинных.
 Будь сама собой, о Сольвейг, лучезарною богиней!

2. В ГОСТИНОЙ

Обои старинные, дымчато-дымные,
 Перед софою шкура тигровая,
 И я веду перешопоты интимные,
 На клавишине Rameau наигрываю.

Со стены усмехается чучело филина;
 Ты замираешь, розу прикалывая,
 И, вечернею близостью обессиленна,
 Уронила кольцо опаловое.

Гаснет свет, и впиваются длинные
 Тени, неясностью раззадоривая.
 Гостиная, старинная гостиная,
 И ты, словно небо, лазоревая.

Ночь... Звоны с часовни ночные.
 Как хорошо, что мы не дневные,
 Что мы, как весна, земные!

3. ПЛЯСКА

Сердце вьется, как снежная птица,
 Над твоею ночной красотой,
 Заснежает метелью ресницы
 И покой ослепляет мечтой.

Я в твоём заблиставшем румянце,
 Золотая любовь, я открыл,
 Что ты хочешь в мучительном танце
 С моим сердцем плясать меж могил.

И хоть знаю, что сердце заплачет
 В лютых чарах плывущей весны
 И мечтательно голову спрячет
 В голубые старинные сны, -

Принимаю тебя, опьяненье!
 Закрутись, моё сердце, в снегу!
 Моя сказка, метели, томленье
 На рассветном ледяном берегу!

В твоём взоре - два солнца, а груди -
 Две звезды, что слепят небосклон.
 Саломея! На снежном сосуде
 Я несущу тебе душу и сон.

Сердце вьется, как белая птица,
 Над твоей огневой красотой.
 Опрокинула в эти страницы
 Ты безумного кубок златой.

Так восстань над моею метелью,
 Захлестни покрывалом цветным,
 Золотой путеводной свирелью
 Уведи меня к странам своим!

4. АНАЛОГИЯ*

Есть страшный миг, когда, окончив резко ласку,
 Любовник вдруг измяк и валится ничком...
 И только сердце бьется (колокол на Пасху)
 Да усталъ ниже глаз синит карандашом.

И складки сбитых простынь смотрят слишком грубо
 (Морщины лба всезнающего мудреца) ...
 Напрасно женщина еще шевелит губы
 (Заплаты красные измятого лица)!

Как спичку на ветру, ее прикрыв рукою,
 Она любовника вблизи грудей хранит,
 Но, как поэт над конченной, удавшейся строкою,
 Он знает только стыд, счастливый краткий стыд!

Ах! Этот жуткий миг придуман Богом Гневным;
 Его он пережил воскресною порой,
 Когда, насквозь вспотев, в хотеньи шестидневном,
 Он землю томную увидел под собой.

5. ВОИСТИНУ ЛЮБЛЮ

Как мальчик, не выдавший моря,
За море принял тихий пруд, -
Так я, лишь корчам тела веря,
Любовью страсть назвать был рад.

Мне все роднее мертвь левкоев,
И пальцев догорает воск.
Что в памяти? Склад поцелуев
И тяжкий груз легчайших ласк.

Уж не трещать мне долго песней,
Не лаять на луну слезой!
Пусть кровь из горла - розой красной
На гроб моих отпетых дней.

О, я ль не издевался солнцем,
Смешавши бред и сон и явь,
Как вдруг нечаянным румянцем
Расхохоталась мне любовь.

Весь изолгавшийся, безумный,
Я вижу с трепетом вблизи
Фамильный герб любви огромной -
Твои холодные глаза.

Что мне возможно? Ночью биться,
Шаг командора услышав?
Иль, как щенку скуля, уткнуться
В холодной конуре стихов?

Твоей походкой я считаю
По циферблату шаг минут.
На грудь твою я головою
Вдруг никну, как на эшафот.

Уж только смерть последним штилем
Заменит буйство этих гроз.
Ах, кровь вскипает алкоголем,
Шампанским брызнувши из глаз.

Мне даже кажется, что выси
Сегодня ближе вниз, к земле.
Звучало мне: - Люблю воскресе!
И я: - Воистину люблю.

Друзья, прощайте, хлоп осенний,
Треск вывесок, слез цап-царап, -
Но радостью какою осиянно
Твое благовещенье губ.

6. ЛЮБОВЬ

От самых древних поколений
Я суеверно сохранил:
"Любовь не знает сожалений,
И кто жалел, тот не любил".

Любовь, ты палачей жесточе
И во сто крат злей бытия.
И ветер резче в эти ночи,
Чем взмах крылами воронья!

Над каждым первым поцелуем
Последний ладан панихид.
И оттого мы так ревнуем,
Но терпим бешенство обид.

Сжимая пистолет заране,
Влюбленный, в свой черед поймешь,
Что сладостный огонь желаний
Порой на ненависть похож.

Любовь! Твой плащ горит над миром,
Но плащ твой с выпушкой бед.
Твой страшный глаз глядит сапфиром,
Но в нем ясней рубинный след.

И все ж пленять не перестанешь,
Любовь последняя моя,
И ты убьешь, но не обманешь
Певучий почерк соловья.

7. МЫСЛИ*

Стволы стреляют в небо от жары,
И тишина вся в дырках криков птичьих.
У воздуха веснушки мошкары
И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась вверху,
Где пруд в кувшинках облаков и непроточно,
И сеет зерна тени в мху
Шмель - пестрый почтальон цветочный.

Вдали авто сверлит у полдня зуб,
И полдень запрокинулся, неловок.
И мыслей муравьи ползут
По пням вчерашних недомолвок.

8. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ*

Когда сумерки пляшут присядку
Над паркетом наших бесед

И кроет звезд десятку
Солнечным тузом рассвет, -

Твои слезы проходят гурьбою,
В горле запутаться их возня.
Подавился я, видно, тобою,
Этих губ бормотливый сквозняк.

От лица твоего темнокарего
Не один с ума богомаз...
Над Москвою саженное зарево
Твоих распятых глаз.

Я тобой на страницах вылип,
Рифмой захватанная подобно рублю.
Только в омуты уха заплыли б
Форели твоих люблю!

Если хочешь, тебе на подносе,
Где с жирком моей славы суп, -
Вместо дичи, подстреленной в осень,
Пару крыльев своих принесу.

И стихи размахнутся, как плети,
Свистом рифм, что здоровьем больны,
Стучать по мостовой столетий
На подковах мыслей стальных.

9. МОЛЬБА

Ушла печальной, оскорбленной
К своей девической земле,
И в строгости непримиренной
Затеplилась свечой во мгле.
И я побрел душою спящей,
Не пробужденной от тревог,
В окрестный полумрак и в чащи
И в пыль изъезженных дорог.

Срывал цветы я на откосах
И, как лунатик, брел вперед.
Проваливался часто посох.
В утробу жадную болот;
Но и в болотах, на трясине,
Глядя в обманчивый рассвет,
Срывал с тоскою цветик синий
Тебе, о милая, в букет.

Я, весь в цветах полузавялых,
Прошел ночную глубину
И дрожью рук моих усталых

В твою вторгаюсь тишину.
 Прости бывшие оскорбления!
 Я весь в цветах; я изнемог!
 И жду, благая, примиренья,
 Как солнца полевой цветков.

10. ИЗМЕНА*

Все было, неожиданно. До бешенства вдруг.
 Сквозь сумрак, по комнате бережно налитый,
 Сказала: "Завтра на юг
 Я уезжаю на лето!"

И вот уже вечер громоздящихся мук,
 И слезы крупней, чем горошины...
 И в вокзал, словно в ящик почтовых разлук,
 Еще близкая мне, ты уж брошена!

Отчего же другие, как я не прохвосты,
 Не из глыбы, а тоже из сердца и мяс,
 Умеют разлучаться с любимыми просто,
 Словно будто со слезинкою глаз?!

Отчего ж мое сердце как безлюдная хижина?
 А лицо как невыглаженное белье?
 Неужели же первым мной с вечностью сближено
 Непостоянство, любовь, твоё?!

Изрыдаясь в грустях, на хвосте у павлина
 Изображаю мечтаний далекий поход,
 И хрустально-стеклянное вымя графина
 Третью ночь сосу напролет...

И ресницы стучат в тишине, как копыта,
 По щекам, зеленеющим скукой, как луг,
 И душа выкипает, словно чайник забытый
 На спиртовке ровных разлук.

Это небо закатно не моею ли кровью?
 Не моей ли слезой полноводится Нил,
 Оттого, что впервой с настоящей любовью
 Я стихам о любви изменил?!

11. КОРОЛЕВСКИЙ ГРИМАСНИК

На душе расплески закатной охры.
 Чувственность аплодирует после комедии...
 Разум ушел на свои похороны
 И танцует ойру с ведьмой.

К окнам любви осторожно крадусь я
 И щели закладываю забывчивой паклей.

Потерял свои широты-градусы,
Вскрикиваю, как на бирже маклер...

Жизнь играет на понижение тайно,
Роняет бумаги нагло...
С очаровательной улыбкой Каина
Страсть свою обнажая наголо.

Подарите вечность нищему слабому,
Одну вечность, ржавую, игрушечную...
Я Вам раскрою секрет параболы
И поверну обратно землю скучную.

Вечер пасмурный, будто монашенка,
Пристально взглядывается в мои басни...
Пожалейте, проклятые, меня - не вашего,
Меня - королевского гримасника!

12. ТЯЖЕЛО

Если б знали, сколько муки скрыто
В смехе радостном моем!
Как мертвец, ползу из-под плиты.
Как мертвец, я в саване ночном.
Я не смею быть самим собою,
А другим не в силах, не хочу!
Покрываясь мглой ночною,
Улыбаюсь я лучу.

Если б знали, сколько муки скрыто
В светлой маске моего лица!
Тяжко давят мраморные плиты,
И моя любовь - лишь греза мертвеца.
Умоляю: за улыбку не вините,
Отряхните все, что не было земным!
Если можете - поймите:
Тяжело быть не собой самим.

13. ДВОЙНИК

В рукавицу извощика серебряную каплю пролил,
Взлифтился, отпер дверь легко...
В потерянной комнате пахло молью
И полночь скакала в черном трико.

Сквозь глаза пьяной комнаты, игрив и юродив,
Втягивался нервный лунный тик,
А на гениальном диване - прямо напротив
Меня - хохотал в белье мой двойник.

И Вы, разбухшая, пухлая, разрыхленная,
Обнимали мой вариант костяной.

Я руками взял Ваше сердце выхоленное,
Исцарапал его ревностью стальной.

И, вместе с двойником, фейерверя тосты,
Вашу любовь до утра грызли мы
Досыта, досыта, досыта,
Запивая шипучею мыслью.

А когда солнце на моторе резком
Уверенно выиграло главный приз -
Мой двойник вполз в меня, потрескивая,
И тяжелою массой бухнулся вниз.

14. НЕ ВЕРИТЕ?

Сердце вспотело, трясет двойным подбородком и
Кидает тяжелые пульсы рассеянно по сторонам.
На проспекте, изжеванном поступью и походками,
Чьи-то острые глаза бритвят по моим щекам.

Пусть завтра не зайдет и пропищит оно
В телефон, что устало, что не может приехать и
Что дни мои до итога бездельниками сосчитаны,
И будет что-то говорить долго и нехотя.

А я не поверю и пристыжу: "Глупое, глупое, глупое!
Я сегодня ночью придумал новую арифметику,
А прежняя не годится, я баланс перещупаю,
[Я] итог попробую на язык, как редьку".

И завтра испугается, честное слово, испугается,
Заедет за мною в авто, взятом напрокат,
И на мою душу покосившуюся, как глаза у китайца,
Насадит зазывный трехсаженный плакат.

И плюнет мне в рожу фразой, что в млечном
Кабинете опять звездные крысы забегали,
А я солнечным шаром в кегельбане вневечном
Буду с пьяными выбивать дни, как кегли,

И во всегда пролезу, как шар в лузу,
И мысли на конверты всех годов и веков наклею,
А время - мой капельдинер кривой и кургузый -
Будет каждое утро чистить вечность мою.

Не верите - не верьте!
Обнимите сомнениями мускулистый вопрос!
А я зазнавшейся выскочке-смерти
Утру без платка крючковатый нос.

15. АКРОБАТ СЕРДЦА

Секунда нетерпеливо топнула сердцем, и у меня изо

Рта выскочили хищных аэропланов стада.
 Спутайте рельсовыми канатами белесоватые капризы,
 Чтобы вечность была однобока и иногда.

Чешу душу раскаяньем, глупое небо я вниз тяну,
 А ветер хлестко дает мне по уху.
 Позвольте проглотить, как устрицу, истину,
 Взломанную истину, мне - озверевшему олуху.

Столкнулись в сердце две женщины трамваями,
 С грохотом терпким столкнулись в кровь,
 А когда испуг и переполох оттаяли,
 Из обломков, как рот без лица, запищала любовь.

А я от любви оставил только корешок,
 А остальное не то выбросил, не то сжёл.
 Отчего Вы не понимаете! Варит жизнь мои поступки
 В котлах для асфальта, и подходят минуты парой,
 Будоражат жижицу, намазывают на уступы и на уступки,
 На маленькие уступы, лопатой разжевывают по тротуару.

Я все сочиняю, со мной не было ничего,
 И минуты - такие послушные и робкие подростки!
 Это я сам, акробат сердца своего,
 Сам вскарабкался на рухлящие подмости!

Шатайтесь, шатучие, шаткие шапки!
 Толпите шаги, шевелите прокисший стон!
 Это жизнь кладет меня в безмолвие папки,
 А я из последних сил ползу сквозь картон.

16. ЗНАЙТЕ

Знайте, девушки, повисшие у меня на шее, как на хвосте
 Жеребца, мчащегося по миру громоздкими скачками:
 Я не люблю целующих меня в темноте,
 В камине полумрака вспыхивающих огоньками,
 Ведь если все целуются по заведенному обычаю,
 Складывая раковины губ, пока
 Не выползет влажная улитка языка,
 Вас, призываемых к новому от сегодня величию,
 По-новому знаменем держит моя рука.
 Вы, заламывающие, точно руки, тела свои, как пальцы, хрупкие,
 Вы, втискивающие в туннели моих пригоршен вагоны грудей,
 Исхрипевшиеся девушки, обронившие, точно листья, юбки,
 Неужели же вам мечталось, что вы будете совсем моей?!
 Нет! Не надо! Не стоит! Не верь ему!
 Распятому сотни раз на крестах девичьих тел!
 Он многих, о, многих, грубея по-зверьему,
 Собой обессмертил - и сам помертвел.
 Но только одной отдавался он, ею вспененный,

Когда мир вечерел, надевая синие очки,
 Только ей, с ним единственной, нет! В нее влюбленный,
 Обезнадеженный вдруг, глядел в обуглившиеся зрачки.
 Вы, любовницы милые, не притворяйтесь, покорствуя,
 Вы, раздетые девушки, раскидавшие тело на диван!
 Когда ласка вдруг станет ненужной и черствою,
 Не говорите ему, что по-прежнему мил и желанн.
 Перестаньте кокетничать, вздыхать, изнывая, и охать, и,
 Замечтавшись, не сливайтесь с мутною пленкой ночей!
 На расцветшее поле развернувшейся похоти
 Выгоняйте проворней табуны страстей!
 Мне, запевшему прямо, быть измятым суждено пусть!
 Чу! По страшной равнине дней, как приборой,
 Надвигаются, катятся в меня, как в пропасть,
 Эти оползни девушек, выжатых мной!
 В этой жуткой лавине нет лиц и нет имени,
 Только платье да плач, животы да белье!
 Вы, трясущие грудями, как огромным выменем,
 Прославляйте, святите Имя Мое!

17. ПРОСТИТЕ МЕНЯ

Неосязаемые вечерние карандашики
 Затусшевывают улицы запросто.
 Секунды строгие, строгие монашки
 Предлагают перед смертью папство.

Затканый звездами коврик
 Облит облаками молочными...
 В суете, в миготе, в говоре
 Я встречаюсь с лицами отточенными.

Как весело вспомнить сквозь дрожжи улыбок,
 Разрыхливших строгость злости,
 Свет ресторанный, игравший зыбко
 На неуклюжей извощичьей полости.

Сквозь замкнутость походки гордой
 Вспоминаю варианты изгибов
 Ночью, когда лапа массивного города
 Вытерла брызги трамвайных всхлипов.

Женщины - сколько вас - бродите, наглые,
 Все моей печатью отмеченные!
 Память светит ярче магния!
 Соединяю минутное и вечное!

Простите, метрессы, простите, кокотки,
 Меня - бронзовеющего трупа!..
 На последней пластинке моего Кодака
 Я из вас сделаю великолепную группу...

18. НЕ ЗАВИДУЙ*

Ты, грустящий на небе и кидающий блага нам крошками,
 Говоря: "Вот вам хлеб ваш насущный даю!"
 И под этою лаской мы ластимся кошками
 И достойно мурлычем молитву свою.

На весы шатких звезд, коченевший в холодном жилище,
 Ты швырнул мое сердце, и сердце упало, звеня.
 О, уставший Господь мой, грустящий и нищий,
 Как завистливо смотришь ты с небес на меня!

Весь ваш род проклят роком навек и незримо,
 И твой сын без любви и без ласк был рожден.
 Сын влюбился лишь раз, но с Марией любимой
 Эшафотом распятий был тогда разлучен.

Да! Я знаю, что жалки, малы и никчомны
 Вереницы ангелов, чудеса, фимиам
 Рядом с полночью страсти, когда дико и томно
 Припадаешь к ответно встающим грудям!

Ты, проживший без женской любви и без страсти!
 Ты, не никший на бедрах женщин нагих!
 Ты бы отдал все неба, все чуда, все власти
 За объятья любой из любовниц моих!

Но смирись, одинокий в холодном жилище,
 И не плачь по ночам, убеленный тоской,
 Не завидуй, Господь, мне, грустящий и нищий,
 Но во царстве любовниц себя упокой!

19. УСЕЧЕННАЯ РИТМИКА*

Торцы улиц весенних тиграми
 Пестрятся в огнебиении фонарей.
 Сердце! Барабанами стука
 Выгреми миру о скуке своей.

Жизнь! Шатайся по мне бесшабашной
 Поступью и медью труб!
 Язык, притупленный графит карандашный,
 Не вытащить из деревянной оправы губ.

Любовь! Отмерла, отмерла ты, а кроме -
 Только выслез и бред в вечера...
 Докурю папиросу последнюю в доме,
 И вот негде достать до утра.

Снова сердцу у разбитого корытца
 Презрительно тосковать,
 И в пепельнице памяти рыться

И оттуда окурки таскать!

Что окурки любовниц после этого счастья?
Смешан с навозом песок на арене!
Господь! Не соблазняй меня новой страстью,
Но навек отучи от курения!!!

20. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Небоскребы трясутся и в хохоте валятся
На улицы, прошитые каменными вышивками.
Чьи-то невидимые игривые пальцы
Щекочут землю под мышками.

Набережные протягивают виадук железные,
Секунды проносятся в сумасшедшем карьере -
Уставшие, взмыленные - и взрывы, внезапно обрезанные,
Красноречивят о пароксизме истерик.

Раскрываются могилы, и, как рвота, вываливаются
Оттуда полусгнившие трупы и кости,
Оживают скелеты под стихийными пальцами,
А небо громами вбивает в асфальты гвозди.

С грозовых монопланов падают на землю,
Перевертываясь в воздухе, молнии и пожары.
Скрестярукий, любитесь на безобразии,
Угрюмо застыв, Дьявол сухопарый.

21. КЛОУНАМ

Вы не думайте, что сердцем-кодаком
Канканирующую секунду запечатлеете!..
Это вечность подстригла свою бороду
И зазывает на поломанной флейте.

Ленты губ в призывчатом далеке...
Мы - вневременные - уйдемте!
У нас гирлянды шарлатаний в руке,
Их ли бросить кричащему в омуте?!

Мы заборы новаторством рубим!
Ах, как ласково новую весть нести...
Перед нами памятник-кубик,
Завешенный полотняной неизвестностью.

Но поймите - я верю - мы движемся
По проспектам электронервным.
Вы шуты! Ах, я в рыжем сам!
Ах, мы все равны!

Возвратите объедки памяти!
Я к памятнику хочу!.. Пустите!

Там весть об истеричном Гамлете
(Моем друге) стоит на граните.

Ломайте и рвите, клоуны, завесы,
Если уверены, что под ними принц!..
Топчут душу взъяренные аписы!
Я один... Я маленький... Я мизинец!..

22. СУДЬБА

Очаровательный удел,
Овитый горестною дрожью...
Мой конь стремительно взлетел
На мировое бездорожье,
Во мглу земного бытия,
И мгла с востока задрожала.
И слава юная моя
На перекрестках отставала.

Но муза мчалась за мной
То путеводною звездой,
Сиявшей горной глубиной,
То спутницею молодою,
Врачуя влагою речей
Приоткрывавшиеся раны
От неоправданных мечей
Среди коварного тумана.

И годы быстрые цвели
Прозрачной белизной черемух...
Мы песни звонкие несли
Среди окраин незнакомых;
В еще незнаемой земле
Переходили хляби моря;
На вечеряющем челе
Горели ветренные зори.

Облитый светом заревым,
В томленьи сладостном и строгом,
Венчанный хмелем огневым -
Я подошел к твоим чертогам.

Не изменила, муза, ты,
Путеводительная муза,
Венцом нетленной чистоты
Чело отрадного союза
Благословенно оплела,
Разлившись песней величаво.
И только тут к нам подошла
Отставшая в дороге слава.

23. ТАНЦУЮЩАЯ МГЛА

Нам аккомпанировали наши грусти...
 Танцевала мгла.
 Еще секунда - и сердце опустит
 До ног халат.
 И уродцы смеялись на люстре
 И на краю стола.

И было устало... Как будто в конверте,
 Мы в зале одни...
 Время калейдоскоп свой вертит...
 Я устал от домов и книг.
 Пусть внезапный бас в револьвере
 Заглушит мой вскрик!

Жизнь догорела, как сиреневый кончик
 Вашего сургуча...
 Страсти все меньше, все тоньше...
 Плакать. Молчать.
 Пусть потомки работу окончат:
 На сургуч поставят печать.

24. ПОТОМКАМ

Смотри: по крышам шаг ломая,
 Ночь бегло прячется пред днем.
 О, сколько ветра, сколько мая
 В желанном шепоте твоём!
 Между возможным и химерой
 Нет силы проложить межу,
 И как в неслыханную веру,
 В твою любовь перехожу.
 И громко радуюсь при этом,
 Твердя в жасминовых стихах,
 Что ты, весна, зимой и летом
 Владычествуешь впопыхах!
 И грозной путаешь морокой
 Намеченных судеб русло.
 И сердце стало синеоко
 Всей анатомии назло.
 О, пусть в грядущих поколениях
 Меня посмеют упрекать,
 Что в столь чудесных сновиденьях
 Я жизнь свою сумел проспять,
 Что не умел шептать я тише,
 Чем половодие в крови,
 Что лучшее четверостишье
 Ничтожнее, чем миг любви.
 И сердце поступью недюжной
 Обязательно установить:

Все незначительное нужно,
Чтобы значительному быть!

*в оригинале выключка вправо